

Валерий ГЕРГИЕВ:

Цветаева. - 1997. - Число. - с. 6

Дешевые спектакли обходятся дорожке

С Валерием ГЕРГИЕВЫМ, художественным руководителем петербургского Мариинского театра, (б. имени С.М.Кирова) о миссии оперы и балета в эти варварские времена беседует обозреватель «Известий» Георгий МЕЛИКЯНЦ

Мариинскому театру тоже задерживали зарплату. Шахтеры бы стучали касками. Музыканты не могут стучать скрипками и флейтами. Бесплодие бюджета театра покрывал из того, что зарабатывал сам на гастролях — не густо, но хоть не пусто, появиться дома артисту уже не стыдно.

Надо быть Гержиевым, иметь его характер, здоровье, его мировую известность, которая пока служит ему щитом, чтобы не спгнуть в бермудском треугольнике «бюджет—искусство—княгиня Марья Алексевна». Под грибоедовским персонажем он имеет в виду всех, кто точно знает, как надо было играть во вчерашнем

футбольном матче и как вести театральное дело. Важней всего, считает Гержиев, порядок в доме. То есть в Мариинке, и вообще в оперном, балетном театре, в том числе российском. В XXI веке и мы, и театры будут жить иначе. Если, конечно, подготовим это уже сейчас.

мало несогласных с вами. Имеются трения художественного руководства с постановочной частью. Бесплезно отрицать авральный режим. Не все ладно в балетной труппе. Остается сложной и финансовая проблема. Не возникло желания все бросить, заняться только музыкой?

Фото Виктора АХЛОМОВА.

— Валерий Абисалович, вы одним из первых заговорили об объединении усилий Большого и Мариинки. Это было бы еще и восстановлением исторически проверенной системы: до 17-го года они управлялись единой «дирекцией императорских театров». Позже, когда Петербург—Ленинград целенаправленно унижали, разъединили и театры.

— Разговор об объединении я лично должен вести сегодня осторожней, чем до сих пор. Вообще-то я не придаю большого значения тому, кто и что скажет, как подумает. Но вопрос действительно деликатный. В конце концов я отвечаю перед зрителем — и, извините за громкие слова, перед страной — за этот театр. Но, согласитесь, в культуре, как и везде, все взаимосвязано. Чем лучше дела вокруг, тем лучше Мариинке. И наоборот.

— Если говорить о максимальном сближении Большого и Мариинки, то неважно, кто первый сказал «а». Идея-то здравая, дельная, полезная. Для искусства и зрителя.

— Тем более что и новый опыт совместного творчества у нас тоже есть: в «Хованщине» Покровского и Ростроповича пели наши Лариса Дядькова и Владимир Огновенко, Михаил Селезнев. Они не просто уехали петь в Москву, а были туда официально направлены. Чтобы Дядькова могла репетировать с Борисом Александровичем Покровским, мы даже остановили на некоторое время спектакль «Аида», объяснив свой шаг публике и извинившись перед ней.

Мариинский театр не моя собственность, говорит Гержиев, как и Большой не собственность Владимира Васильева, мы обязаны ощущать себя единым пространством. К тому же мы оба находимся в условиях, близких к кризисным. На официальном языке это называется «недостаточным финансированием», но сказано сие очень мягко, на самом же деле, не научись мы зарабатывать средства, в том чис-

ле и главным образом валютные, нам пришлось бы давно закрыть Мариинский театр. Сравните: Парижская опера получает от правительства субсидию в 100 миллионов долларов, мы — три миллиона... Вырваться из тисков удается лишь за счет высокого напряжения.

— Кому-то это кажется авралами, мне, например, не кажется. Дело в степени творческой отдачи. В одной петербургской газете написали, будто Гержиев заставляет артистов чрезмерно работать, преследуя собственные интересы. Откровенно говоря, я не понял автора. Успехи Мариинки просто не могут не быть личным интересом Гержиева.

— Вы видите объединение двух театров, так сказать, полное? С общей дирекцией, общим бюджетом, общим штатным расписанием?

— Из всех видов спорта самый бесполезный — бег впереди поезда. Не уверен, что об этом надо думать уже сейчас. Хотя думать есть о чем. Например, в мире нет, кажется, таких больших по составу театров, как Большой. Мариинский на втором месте. Приходилось работать в Метрополитен-Опера, Ковент-гардене: такого количества ставок, таких размеров оркестров и хоров нет нигде. Не лучше ли иметь поменьше народу, но платить людям достойную зарплату? Как бы то ни было, дело не в административной перетряске. Боюсь, если мы сейчас обратим силы на это, а не на содержание и сотрудничество, все наши идеи обернутся пшиком. Сегодня легче, наверно, объединить дирекции «Ла Скалы» и, например, венской «Штаатоперы». Там не требуется столько согласований, преодолений, увязываний, как у нас, ведь дирекция, надо полагать, расположена в Москве... В любом случае речь не может идти о слиянии, Большой обязан оставаться Большим, Мариинский — Мариинским. Даже при единой дирекции в прошлом это были два разных театра. Происходил обмен солистами, ди-

рижерами, режиссерами, но не труппами. И вообще это не мой вопрос. Я знаю только, как сделать, чтобы ведущие солисты и дирижеры могли способствовать успеху обеих трупп. Мы это уже испробовали. У нас играли и Юрий Темирканов, и Евгений Федорович Светланов, и Марис Янсонс, и все — без дополнительных условий и без околотеатральных историй. Просто прилетали и работали. Я и сам много езжу по приглашениям, дирижирую в Москве, за рубежом. Может быть, слишком много. Но иначе не мыслю дирижерской судьбы, как бы ни представляли это корыстью, саморекламой, а какая корысть, какая самореклама в работе до изнеможения? Меня упрекают, будто я «загоняю» оркестрантов. Но они-то лучше других видят: я «загоняю» прежде всего себя самого.

— Мариинский театр многие сегодня относят к преуспевающим. Оценивая гастроли Мариинки в Москве с операми «Игрок» и «Саломея», одна московская газета писала об ощущении, будто «в провинцию приехал столичный театр». На недавнюю премьеру вagnerовского «Парсифаля» откликнулись «Таймс», «Гардиан», «Карьера делла сера» — о чем еще можно мечтать? Но есть и прямо противоположный взгляд. Театр, мол, теряет голоса. Репертуарная политика зависит от капризов Гержиева. Премьеры часто сырые. Много разного рода нарушений. Результат — заполняемость зрительного зала не превышает 80 процентов. Говорится все это не между собой, а громко в прессе. Была, например, целая страница в «Невском времени».

— Но там же появилось и иное мнение. Я считаю это нормальным. Плохо, когда для подтверждения собственной неприязненности приводятся примеры вроде того, что в каком-то месяце мы потеряли на телефонные разговоры тысячу долларов в день. О чем говорили, с кем, кто — все осталось за скобками. И хотя по нынешним временам тысяча долла-

ров на несправные разговоры — не такая уж-жасная сумма, в действительности цифра была в 12 раз меньшей...

Что касается заполняемости зрительного зала, то финансовые возможности позволяют нам оставлять бесплатные билеты для пенсионеров, инвалидов, для партнеров, например для университетов. Тем более что доходы от продажи билетов при нынешних расходах на постановки не составляют заметной части бюджета. Важно, что поиски «лишнего билета» не закончились и, надеюсь, не закончатся.

— Словом, вы тоже не любите критику и всегда находите, что возразить...

— Но тем не менее прислушиваюсь, пусть не явно. Беда не в критике, которой практически и нет, не в том, что меня лично недохвалили, меня, может, и перехвалялись. Беда в том, что разносы и придирки приводят к тому, что нечто дельное тоже перестают замечать. Увидят подпись под статьей и переворачивают страницу. Дирижер, художественный руководитель — прежде всего человек. Один принимает критику (до первого инфаркта), другой избегает газет...

— А вы?

— Где-то посередине. Но я ведь не один в театральном поле. За мной сотни людей, и каждый ждет серьезного слова. Иной молодой человек, не так часто посещающий наши спектакли, может подойдя целнувшись Большой или Мариинку, хлопнуть по плечу. Потом выясняется, что классическая музыка — вообще не его профиль, ему «поручили»... И, наконец, многие ли уехали из Мариинского театра?

— Мне очень жаль, что в Мариинке сегодня не поет Сергей Лейферкус...

— И мне жаль. Но он же не крепостной актер. Когда певца занимают в «Ковент-гардене», в «Мете», кто-то всегда будет уезжавший талант был полноценно

заменен. А по этой части дела у нас вовсе не плохи. Может быть, самое полезное, что мне удалось сделать для театра, — пригласить в труппу Галузина, Путилина, Горчакову, Григорьяна, Огновенко, Минжилкиеву, Нетребко, Тарасову... Но, даже уехав, многие мариинцы (Прокина, Стебянко, Шевченко, Казарновская, Галузин) приезжают петь на родной сцене или участвуют в зарубежных гастрольных поездках (Лейферкус). С Ириной Константиновной Архиповой и продюсером Игорем Беляевым мы в течение двух сезонов вели «певческие биеннале», организуя приезды в Россию звезд мировой оперы, в том числе мариинцев, живущих ныне на Западе. В наше время свободного передвижения артистов по свету и огромной разницы в условиях работы (и оплаты труда!), главное — не удержат кого-то, а постоянно находиться на такой высоте, чтобы артисту хотелось выступать на нашей сцене, пусть даже за меньший гонорар. Примерно четверть своего времени сам я тоже провожу за рубежом, дирижирую в разных театрах. Почему бы мне отказываться от лестных ангажементов? Кстати, из всех предложений занять постоянное место в зарубежных оркестрах я принял лишь Роттердамский оркестр, оговорив условие: из семи недель моего обязательного пребывания в городе две недели со мной будет Мариинский театр... Выступая в «Метрополитен», в парижской или мюнхенской опере, я всегда веду переговоры о гастрольях театра, совместных проектах. К сведению: это очень нелегкая «самореклама». Из гастролей мы привозим в страну столь необходимые нам средства, позволяющие вытягивать дорогостоящие постановки, вроде «Парсифаля» Вагнера, доплачивать 100 процентов зарплаты всем сотрудникам театра. При чем наше правило — если на гастрольях находится одна группа работников, то выплаты от заработанного получают все.

— Тем не менее в театре не-

Опера должна быть такой, какой она написана. Святой долг Большого и Мариинского — всегда показывать «Аиду», «Отелло», «Хованщину», «Князя Игоря», всю оперную классику. Это требует грандиозных хоров, оркестров, разнообразной труппы солистов. Так это останется навсегда. Экспериментальные постановки тоже будут вызывать интерес, но, на мой взгляд, не станут задерживаться надолго. Делать дешевые (по затратам) спектакли расточительно, они обходятся дорожке, поскольку живут меньше, не говоря об уроне музыке и либретто. Уж такой у нас жанр.